

О. Д. Шемякина⁴**«ТРИАДА ВРАЖДЕБНОСТИ»: ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР**

Слова о том, что легко любить других людей, к тому же непохожих на вас, могут принадлежать либо святому, либо фарисею. На самом деле практически каждым фактом общения мы должны изживать из собственной души «тень» или «демона». Что это такое? Для культуролога это древние архетипы бессознательного, всплывающие на поверхность нашего сознания; для физиолога — биологическая реальность, фиксируемая опытным путем.

Человек, унаследовав от животных досознательные пласты психики, реализует их принципиально иным способом — в системе смысловых знаков культуры, осваиваемой сознанием. Эмоция враждебности психологически концептуализируется, находя опору в механизмах рационализации, в различных мифологических, религиозных и философских системах. Общим в ситуации враждебного отношения к чужаку, независимо от культурного контекста, является не только наличие агрессии в мозге человека, но и характер протекания самой агрессии, а также состав сложной эмоции враждебности (при доминировании тех или иных ее сторон), что создает основу для сравнения.

Гнев, отвращение и презрение, составляющие триаду чувств враждебности, представляют собой эмоциональные механизмы, которые «выключают» чужого из зоны действия принятых моральных норм и катализируют проявление социального зла. Ведь стоит почувствовать, что другой человек не принадлежит к «миру людей», что он «нелюдь» или «недочеловек», к тому же ритуально нечистый либо просто грязный и дурно пахнущий, — как загнанная внутрь агрессия прорывается наружу и может вылиться в преступление.

Из многообразия межэтнических отношений наиболее интересны в этом смысле взаимоотношения человеческих общностей, принадлежащих к разным цивилизационным пластам истории. В таких ситуациях этносоциальные различия наиболее значительны, а уровень неприятия чужой культуры крайне высок.

**Ментальность архетипического человека
и эмоция гнева**

Основные правила, логика мышления, привычные для европейского человека, в первобытном сознании были нарушены. Например, первобытный человек

⁴ Научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Автор 35 научных публикаций, в т. ч.: «Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст», «К вопросу о манихейно-гностицистском комплексе в научном дискурсе и конфессиональном тексте», «Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога», «О принципах описания границ традиционной культуры в модерн-эпоху», «Древние духовные практики как реальность глобальной истории», «Конфессия-изоляция как цивилизационная альтернатива», «У истоков национальной идентичности: русский опыт в сравнительно-историческом перспективе», «Крестьянская культурная традиция в России (опыт изучения)» и др.

не догадывался о причинно-следственной связи и всякое поражающее его событие связывал с активностью духов¹.

Что же касается эмоциональной стороны жизни первобытного человека, то для нее характерны сильные аффективные разряды, особенно интенсивные и протекающие с отрицательным знаком при таком столкновении с действительностью, когда возникает угроза разрушения привычной картины мира. Одной из наименее социализированных, а потому исторически более ранних эмоций, входящих в «триаду враждебности», является *гнев* — эмоция, для которой характерно сочетание высокой импульсивности и низкого уровня контроля² и которая поэтому чревата *насильственной* формой агрессии. Этнографы, изучающие племена, которые находятся на стадии первобытности, отмечают высокую степень возбудимости этих людей и быстроту перехода от дружелюбного состояния к агрессивному. Однако когда представители другой культуры оказывались включенными в мифологические представления в качестве «положительных героев», агрессия общества направлялась не на них, а на своих *собственных* «инакомыслящих». Это развязывало руки иноземным завоевателям и было причиной гибели сильных государств.

Имперское сознание конфуцианского Китая и эмоция презрения

Культурно-цивилизационные особенности Китая, где в течение тысячелетий господствовали патриархально-деспотические способы организации социальной жизни, получившие идеологическое обоснование в конфуцианстве, определили исторические судьбы этой огромной страны, эволюционировавшей как бы по «сплюсненной временной спирали». Этот тип общественной системы неслучайно стал своеобразной моделью «традиционных обществ» Востока, в которых традиция из механизма самосохранения, воспроизводства и регенерации родоплеменного общества постепенно превращалась во все более важный элемент государственной политики и национальной культуры, становилась самостоятельной и самодовлеющей силой, значение и авторитет которой со временем не уменьшались, как в Европе, а возрастали.

У правителя Поднебесной была сконцентрирована вся полнота власти и ответственности за установление гармонии во вверенном ему мире. Вверенная ему Небом власть распространялась не только на подданных империи, но и на *все* народы Поднебесной или Вселенной³.

Конфуцианский образ жизни был символом культуры и цивилизованности. Претворение его в жизнь создавало возможность перестроить мир на истинно человеческих (с конфуцианской точки зрения) началах. Мысль о достижимости идеала, основанного на патриархально-деспотических ценностях, предопределяла особую роль Китая, где теплился очаг культуры, по отношению к другим народам.

Но какую же реакцию вызывали ситуации, когда «варвары» наносили урон престижу империи? Тезис об априорном превосходстве китайского государства включал возможность ошибок или промахов, что приводило к политике «сохранения лица». Любые нежелательные для Китая международные эксцессы с помощью казуистики превращались официальной дипломатией в ожидаемые, подкреплялись «высокоморальными» мотивами⁴.

На эстетических, а не рациональных категориях было построено восприятие чужой культуры в Китае и позднее — в XIX веке, в период формирования национального самосознания, что нашло отражение в китайской публицистике. Барственное презрение к пошлomu и «уродливому» во многих случаях определяет их отношение к вещам, европейской (буржуазной) культуре, предпринимательской деятельности, отдельным политическим фигурам.

Чувство превосходства, которое часто обуславливает недостаток внимания к реальным свойствам того объекта, на который направлена эмоция *презрения-неуважения*, является нарциссическим продуктом развития культуры. Оно гораздо опаснее по своим последствиям, чем гнев. Из трех эмоций «триады враждебности» презрение — наиболее *холодное* чувство. В диаграммах эмоций, сопутствующих презрению, интерес находится на периферии графика, следовательно, очень мала значимость эмоции, стимулирующей познавательную активность. Презрение — это отстраненное переживание, побуждающее к агрессии, проявляющейся в *хитрости и обмане*⁵. Кроме того, опасность презрения заключается в устойчивом характере этой эмоции, в отличие от гнева или отвращения. Гнев предполагает достаточно быструю аффективную разрядку, а чувство отвращения способствует переключению внимания на что-либо другое. Человек же, испытывающий презрение, подчас получает *удовольствие*. Поэтому презрение само и связанное с ним поведение легко могут быть возобновлены⁶.

Европейский рационализм и эмоция презрения-отвращения

Обратимся к духовным коллизиям европейского человека, жившего в период конквисты. Иберийская колонизация Нового Света поставила христианские народы Европы перед фактом многообразия культур. Возникла новая картина мира, в которую должен был вписаться невиданный ранее материк с его обитателями. Протоестественные обряды, такие как ритуальные жертвоприношения, непривычные формы брачной жизни; гомосексуализм; виды пищи, одно упоминание о которых способно было вызвать судороги отвращения, — все это и многое другое приводило к мысли об отсутствии у дикарей «цивилизации», то есть морали и обычаев, дающих представление о должном в мире, причастном к христианству. Такие добродетели, данные человеку Богом и вытекающие из «естественного закона», как

¹ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930. С. 251.

² См.: Изард М. Эмоции человека. М., 1980. С. 292.

³ См.: Думан Л. И. Традиции во внешней политике Китая // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972. С. 200.

⁴ См.: Бокциани А. А. Особенности внешних отношений империи Мин и вопросы преемственности // Китай: традиции и современность. М., 1976. С. 138.

⁵ См.: Изард М. Указ. соч. С. 300.

⁶ Там же. С. 226, 304.

трезвость ума, склонность к добру и долгу, казалось, не существовали в туземном мире.

«Эти гомункулы не только не соответствуют естественному закону, но нарушают его уже одной своей животной сущностью», — писал Х. Хинес де Сепульведа, теолог и правовед, один из сторонников концепции о человеческой неполноценности индейцев. Испания должна была взять на себя роль «нации-искупителя», «очеловечивающей» тот мир, с которым она столкнулась. Мессианские идеи предполагали патернализм, опирающийся на насилие, что логически вытекало из усвоенного античного принципа подчинения *не-совершенного совершенному*: власть над неполноценными людьми естественна¹.

Если эмоция презрения завоевала печальную репутацию вдохновительницы массовых репрессий, то приписываемое к ней отвращение к индейцам создавало особую тональность в той гамме чувств, которую испытывала часть европейцев к открытому ими туземному миру. Отвращение является культурным рецидивом древней эмоции, происходящей из представлений о ри-

туально чистом и нечистом, уходящим своими корнями, по-видимому, в *контагиозную магию*. Любопытно, что понятие «*грязный*» является универсальным в разных религиозных системах. Отвращение побуждает человека *отстраниться* от объекта, вызывающего отвращение, или *устранить сам объект*².

Историческая реальность, к которой мы обратились, относится к зоне утихших бурь, и мы сознательно не затрагивали здесь те конфликты, в которые вовлечен человек нашего времени — слишком высока цена ошибки в объяснительных моделях в ситуациях, из-за которых сегодня не только пылают щеки в спорах, но и сгорают человеческие жизни. История идет своим чередом, но типы мышления, о которых шла речь, остались, как продолжают жить мифы, мировые религии, сложившиеся системы рационального знания. И сегодня, зародившись в конкретной ситуации, эмоция враждебности в «поисках смысла» обретает свою основу в тех системах представлений, той ментальности, к которой принадлежит человек данной культуры.

¹ См.: Земсков В. Б. Конкиста, полемика XVI века о Новом Свете и истоки латиноамериканской гуманистической традиции // Латинская Америка. 1984. № 12. С. 50.

² См.: Изард М. Указ. соч. С. 296.